

Дайджест по корпоративному праву и M&A

● 21 АВГУСТА – 14 СЕНТЯБРЯ 2025 ГОДА

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. С 1 сентября 2025 г. вступили в силу изменения в Закон об ООО о возможном исключении преимущественного права покупки доли или уточнении правил о его действии

Подробнее о вступающих в силу изменениях мы писали [здесь](#).

2. С 1 сентября 2025 г. также вступили в силу изменения в Законы об АО и ООО, связанные с системой управления промышленной безопасностью, которые должны быть отражены в уставах хозяйственных обществ одновременно с очередным внесением изменений в них¹

Подробнее о вступающих в силу изменениях мы писали [здесь](#).

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 637-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. На сделку по выходу участника из общества с отчуждением доли, приобретенной в период брака, не требуется согласие супруга выходящего участника. Данное общее правило работает при условии отсутствия злоупотреблений в рамках совершения сделки по выходу участника из общества

Истец (бывший супруг) обратился с иском к ответчику (бывшей супруге) с требованием о признании недействительной сделки по выходу бывшей супруги из состава участников общества с ограниченной ответственностью с отчуждением доли в размере 5% в пользу общества, требуя восстановления доли бывшей супруги в уставном капитале общества. Общество и другие его участники были ответчиками по делу.

Доля в размере 5% была приобретена супругой в период брака. На момент выхода ответчика из общества истец и ответчик не состояли в браке и находились в процессе по разделу совместно нажитого имущества². По мнению истца, выход ответчика из числа участников общества без его согласия нарушает имущественные и корпоративные права истца на владение долей в уставном капитале общества.

С учетом положений устава общества суд первой инстанции пришел к выводу о наличии у ответчика права на выход из состава участников общества с переходом доли обществу независимо от согласия других его участников или общества.

Суд указал, что ответчик как участник общества обладал правом на долю в обществе. Доля представляет собой совокупность имущественных и корпоративных прав. Исходя из правовой природы корпоративной составляющей права на долю в уставном капитале общества, это право может осуществляться только самим участником общества. В случае приобретения доли общества лицом, состоящим в браке, указанная доля поступает в общую совместную собственность супругов (при отсутствии брачного договора), однако участником общества является только один супруг – тот, на чье имя оформлена доля общества. Соответственно, только он обладает корпоративными правами в отношении общества.

Так как устав содержит запрет на переход доли к третьим лицам без согласия остальных участников, супруг участника общества при разделе имущества и получении доли в обществе не становится автоматически участником общества, а приобретает лишь имущественные права на эту долю. Иными словами, без согласия иных участников общества истец мог претендовать только на соответствующую часть действительной стоимости доли в уставном капитале общества. Другие участники общества не давали свое согласие на вступление истца в состав участников общества и в судебном заседании также возражали против вступления истца в состав участников общества.

Соответственно, истец в рамках процесса по разделу совместно нажитого имущества имеет возможность реализовать свое имущественное право на получение части стоимости доли в уставном капитале общества.

- 2 При этом на момент подачи ответчиком заявления о выходе из состава участников общества производство в суде общей юрисдикции по делу о разделе совместно нажитого имущества было прекращено (иск был оставлен без рассмотрения в связи с повторной неявкой сторон в судебное заседание). Однако в дальнейшем процесс по разделу совместно нажитого имущества был возобновлен.

Суд апелляционной инстанции отклонил апелляционную жалобу и оставил решение суда первой инстанции без изменений. Суд добавил, что приобретение супругой статуса участника общества предполагает, что другой супруг дал свое согласие на приобретение доли. Согласовывая приобретение доли, супруг согласился и с положениями и ограничениями устава общества (в частности, связанными с необходимостью получения согласия других участников общества на приобретение статуса участника третьим лицом).

Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

В рассматриваемом деле суд произвел комплексный анализ правового регулирования, охватывающего ряд взаимосвязанных правовых институтов.

i. Право собственности на долю в уставном капитале общества

Суд анализирует правовую природу доли в уставном капитале, подчеркивая ее комплексный характер, заключающийся в объединении как имущественных, так и корпоративных прав. Он подчеркивает, что, хотя доля может быть приобретена в браке и, следовательно, являться совместно нажитым имуществом, корпоративные права (право участвовать в управлении компанией, голосовать на заседаниях и т.д.) принадлежат только тому, кто является участником общества (указан в ЕГРЮЛ).

Дело иллюстрирует сложившийся в судебной практике подход о том, что правовой режим участия в обществе и режим общей совместной собственности супругов регулируются разными нормами права (корпоративным и семейным), и получение доли в уставном капитале в результате раздела имущества не делает бывшего супруга автоматически участником общества (см., например, Определение Верховного Суда РФ от 28 июня 2021 г. № 305-ЭС21-8967 по делу № А41-90608/2019; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021).

ii. Режим общей совместной собственности супругов

Суд подтверждает, что доля, приобретенная в браке, является общей совместной собственностью супругов, если брачным договором не предусмотрено иное. Однако в результате раздела имущества (и если иные участники не выразили согласие на его вхождение в общество) истец приобретает лишь имущественное право на часть доли в уставном капитале общества, выражающееся в праве требовать выплаты денежной компенсации, пропорциональной его доле в общей совместной собственности. Данное право является гражданско-правовым и реализуется в рамках правоотношений по разделу имущества, регулируемых Семейным кодексом РФ.

iii. Ограничения на вхождение в состав участников

Уставом общества можно предусмотреть ограничения на вхождение в общество новых участников, что имеет место в данном случае. Устав общества требует согласия всех участников на отчуждение доли третьим лицам. Истец (бывший супруг) не является участником и, следовательно, подпадает под это ограничение.

Суд подчеркивает: «Право на участие в хозяйственном обществе может перейти к третьим лицам безусловно либо при условии согласия остальных участников общества, если необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества». Таким образом, отсутствие согласия других участников на вхождение истца в состав общества является препятствием для удовлетворения его требований.

В части требований истца необходимо прояснить следующее. Формально в иске оспаривалась сделка по выходу ответчика из общества для того, чтобы вернуть долю в имущественную массу супругов. Хотя истец прямо не заявлял, что претендует на часть доли в рамках раздела имущества, суд исходил из этого (т.к. при разделе имущества в отношении доли возможны два варианта: получение доли / ее части в натуре либо получение соразмерной денежной компенсации). Соответственно, суд обосновывает, почему ответчик в любом случае не достиг бы желаемого, даже если бы доля была возвращена в имущественную массу супругов.

iv. Согласие на распоряжение общим имуществом

Апелляционная инстанция добавляет важный момент: приобретение супругой статуса участника общества в период брака подразумевает, что истец согласился на такое распоряжение общим имуществом и, тем самым, с положениями устава, регулирующими статус участника / ограничения на его приобретение (в этом обосновании можно проследить признаки эстоппеля).

Вместе с тем, отметим, что из взаимосвязанных положений п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ и п. 11 ст. 21 Закона об ООО следует необходимость получения нотариального согласия супруга для распоряжения долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, так как такая сделка подлежит нотариальному удостоверению. В рамках рассматриваемого дела ответчик (бывшая супруга) обратилась в общество с нотариально удостоверенным заявлением о выходе из состава участников общества и выплате ей действительной стоимости доли. Суд, однако, не придавал значения форме заявления и не усмотрел необходимости получения нотариального согласия бывшего супруга.

Возможно, разницу в применении подходов стоит связывать с тем, что при выходе участника из общества действует общее правило о том, что общество обязано выплатить вышедшему участнику действительную стоимость его доли (п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО), тогда как, например, при совершении сделки купли-продажи доли участник, намеревающийся продать долю, определяет ее покупную цену по своему усмотрению. Так, покупная цена за долю может быть занижена в сравнении с ее действительной стоимостью, что, в свою очередь, при распространении на долю режима совместной собственности супругов приведет к уменьшению общего имущества супругов.

При этом отметим, что действительная стоимость доли не эквивалентна ее рыночной стоимости и также может быть ниже нее. В этом случае выход участника из общества в сравнении с отчуждением доли по ее рыночной стоимости в меньшей степени отвечал бы имущественным интересам супруга, однако, если исходить из вышеизложенной позиции суда, все равно не требовал бы получения нотариального согласия супруга (в отличие от продажи доли).

4. Сделка по увеличению уставного капитала общества путем внесения неэквивалентных вкладов может считаться распоряжением общим имуществом супругов (долями, приобретенными участником в период брака) и требовать согласия супруга участника

Истец (бывшая супруга) обратилась в суд с иском к ответчику (бывшему супругу) о признании сделки по увеличению уставного капитала общества недействительной, о применении последствий недействительности сделки путем восстановления размера уставного капитала общества, о восстановлении размера долей ответчиков, принадлежавших им до совершения сделки по увеличению уставного капитала общества. Другие участники общества были соответчиками по делу.

Принадлежавшая бывшему супругу доля в уставном капитале общества была приобретена в период брака по договору купли-продажи и составляла 52% уставного капитала общества. Оставшаяся доля была распределена между двумя остальными участниками в равной пропорции – по 24%.

После инициирования бракоразводного процесса общим собранием участников было принято единогласное решение об увеличении уставного капитала общества за счет внесения неэквивалентных дополнительных вкладов в уставный капитал. По итогам внесения дополнительных вкладов доля бывшего супруга уменьшилась до 8%, а доли двух оставшихся участников составили 24% и 68%.

По мнению бывшей супруги, на совершение сделки по увеличению уставного капитала требовалось ее согласие, которое не было получено, увеличение уставного капитала было экономически нецелесообразным и было направлено на уменьшение имущества, которое бывшая супруга могла бы получить при разделе совместно нажитого имущества.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что доля в уставном капитале общества, приобретенная в период брака, является совместно нажитым имуществом супругов, а значит, решение об увеличении уставного капитала путем внесения участниками неэквивалентных вкладов может рассматриваться как сделка по распоряжению общим имуществом супругов.

Суд исследовал вопрос целесообразности совершения сделки. Также были учтены следующие обстоятельства: отсутствие экономического смысла у сделки и наличие негативных последствий для участников сделки и интересов бывшей супруги. Суд пришел к выводу о недобросовестности и злоупотреблении правом со стороны участников общества при принятии решения, а именно о намерении во вред бывшей супруге уменьшить долю в общем имуществе, подлежащем разделу.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял новое постановление по делу, указав, что увеличение уставного капитала не относится к сделкам по распоряжению общим имуществом супругов.

Суд также отметил, что увеличение уставного капитала путем внесения дополнительных вкладов не может быть признано недействительной сделкой, т.к. остальные участники общества не имели намерения причинить вред истцу, а недействительной притворной сделкой может быть признана только сделка, прикрывающая волю всех ее участников.

Суд кассационной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что решение об увеличении уставного капитала является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов, но отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение. Для правильного разрешения дела необходимо исследовать обстоятельства, касающиеся осведомленности участников общества, увеличивших доли в уставном капитале, о несогласии бывшей супруги на совершение сделки и наличия или отсутствия объективной необходимости для увеличения уставного капитала общества.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

i. Уменьшение доли в уставном капитале как распоряжение общим имуществом супругов

Рассмотренное дело затрагивает несколько вопросов, касающихся необходимости получать согласие супруга на совершение действий в рамках корпорации: (а) является ли, по общему правилу, увеличение уставного капитала путем внесения дополнительных вкладов распоряжением общим имуществом супругов?; (б) какое именно действие в рамках корпорации можно считать сделкой по распоряжению общим имуществом супругов (в данном контексте, бывший супруг не вносил дополнительного вклада в уставный капитал в целом, соответственно, стоит ли рассматривать сам факт его голосования как сделку, направленную на распоряжение общим имуществом супругов)?; (с) существует ли единый подход к определению того, какие сделки и действия требуют получения согласия супруга?

В рамках данного дела суд кассационной инстанции не пытался выработать единый абстрактный подход к разрешению аналогичных ситуаций, но двигался в направлении справедливого разрешения конкретного спора.

Так, известна судебная практика, согласно которой само по себе увеличение уставного капитала не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 28 февраля 2020 г. № 305-ЭС20-1677 суд пришел к выводу о недоказанности того, что сделки по увеличению уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов и вкладов третьих лиц, принимаемых в общество, являются притворными.

При этом в случаях, когда увеличение уставного капитала путем внесения дополнительных вкладов приводит к значимому изменению доли участника общества (как в анализируемом деле), суды склоняются к признанию такого увеличения уставного капитала распоряжением общим имуществом супругов и подтверждают право второго супруга на оспаривание такой сделки (см., например, Постановление Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. № 9913/13 по делу № А33-18938/2011;

Определение Верховного Суда РФ от 13 февраля 2023 г. № 301-ЭС22-27910 по делу № А11-2987/2020; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 августа 2023 г. № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022).

Дополнительным аргументом в пользу квалификации сделки как притворной выступает «злоупотребление» со стороны участников общества / супруга-ответчика, что доказывается из совокупности обстоятельств (в частности, отсутствие какой-то реальной экономической цели в увеличении уставного капитала; знание других участников о процессе раздела имущества и игнорирование ими необходимости получения согласия и пр.).

ii. Знание об отсутствии согласия супруга на распоряжение общим имуществом

Сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки (п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ).

Суды отмечают, что данная норма направлена на обеспечение баланса имущественных интересов супругов в отношении совместной собственности (см., например, Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1198-О; Определение Конституционного Суда РФ от 9 декабря 2014 г. № 2747-О), но при этом не подразумевает обязанности супруга, обратившегося с требованием в суд, доказывать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии согласия супруга на совершение сделки.

Таким образом, бремя доказывания того, что сторона сделки не знала и не должна была знать об отсутствии согласия супруга на совершение сделки, лежит на стороне, совершившей сделку без получения соответствующего согласия (см., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 сентября 2016 г. № 18-КГ16-97; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июля 2020 г. № 17АП-4888/2020-ГК по делу № А60-39171/2019).

При этом, при рассмотрении дела суд апелляционной инстанции принял во внимание, в частности, довод о том, что намерения одного участника совершить притворную сделку для применения указанной нормы недостаточно, и для признания сделки притворной необходимо установление воли всех участников сделки (п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25).

Представляется, что в спорном случае подлежит отдельному исследованию наличие действительной воли участников общества, направленной на причинение вреда второму супругу (например, скоординированные действия или обсуждение дальнейших планов по обратному выкупу доли участником, чья доля уменьшилась), если такие участники проголосовали за принятие решения, которое фактически привело к уменьшению доли супруга при разделе совместно нажитого имущества.

iii. Учет целесообразности сделки по увеличению уставного капитала

Примечательно, что в рассмотренном случае суды не ограничивались формальным исследованием того, было ли получено согласие супруги на совершение сделки по увеличению уставного капитала, а исследовали вопрос о коммерческой целесообразности увеличения уставного капитала и добросовестности участников сделки при принятии решения.

Как отмечается выше, само по себе увеличение уставного капитала (в частности, если в результате увеличения уставного капитала пропорции владения долями в уставном капитале не изменились), вероятно, не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов. В связи с этим при решении вопроса о правомерности увеличения уставного капитала путем внесения участниками общества неэквивалентных вкладов подлежит анализу совокупность фактических обстоятельств, например, целесообразность увеличения уставного капитала, наличие финансовых трудностей у компании, существенность изменения пропорции владения долями в уставном капитале.

5. Преимущественное право покупки акций направлено на сохранение персонального состава акционеров общества, и поэтому не может распространяться на случаи отчуждения акций между текущими акционерами

Двое акционеров общества (Акционер 1 и Акционер 2, истцы) обратились в суд с иском к двум другим акционерам общества (Акционер 3 и Акционер 4, ответчики), заключившим договор купли-продажи акций, о переводе прав и обязанностей приобретателя акций по договору.

Изначально акции в обществе были распределены между пятью акционерами, в том числе между истцами и ответчиками. Между ответчиками был заключен договор купли-продажи акций от 23 апреля 2025 г., по которому Акционер 3 передала все принадлежащие ей акции Акционеру 4. В этот же день от Акционера 3 в адрес общества поступило уведомление о намерении продать все принадлежащие ей акции третьему лицу с предложением другим акционерам воспользоваться преимущественным правом покупки акций.

На следующий день после получения обществом уведомления о намерении продать акции Акционер 1 и Акционер 2 в ответ на уведомление направили в адрес общества заявления о намерении реализовать преимущественное право покупки акций.

От Акционера 4 в адрес общества не поступило заявление о намерении реализовать преимущественное право, однако 15 мая 2025 г. Акционер 4 направил в общество уведомление о совершившемся приобретении акций в порядке осуществления преимущественного права, сообщил, что по состоянию на 15 мая 2025 г. Акционер 4 является владельцем предложенных к продаже акций (с приложением подтверждающей выписки из реестра акционеров общества).

Акционер 1 и Акционер 2 посчитали, что приобретение акций Акционером 4 было совершено с нарушением порядка осуществления преимущественного права, соответственно, права и обязанности приобретателя акций по договору купли-продажи должны быть переведены на них в соответствующей пропорции.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требование Акционера 1 и Акционера 2, аргументировав это тем, что уведомление о намерении продать акции третьему лицу не было отозвано, Акционер 3 не отказывалась от отчуждения акций третьему лицу. Соответственно, акции были проданы Акционеру 4 в обход процедуры преимущественного права.

Суд кассационной инстанции отменил акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение, отметив, что при продаже акций между акционерами интерес в сохранении персонального состава акционеров общества отсутствует, состав акционеров остается неизменным, а преимущественное право покупки акций не может быть распространено на случаи отчуждения акций по договорам, заключенным между акционерами общества. Суд также отметил, что иск по основанию нарушения порядка соблюдения преимущественного права может быть подан только к лицу, которое этим правом не обладает, поэтому иск о переводе прав и обязанностей к субъекту аналогичного преимущественного права применяться не может.

Постановление Арбитражного суда Московского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

1. Из материалов дела невозможно установить первоначальное намерение Акционера 3: продажа акций внешнему третьему лицу или продажа акций конкретно Акционеру 4 как действующему акционеру общества. Несмотря на то, что изначально уведомление, направленное Акционером 3 в адрес общества, было сформулировано как «уведомление о намерении продать акции третьему лицу» и впоследствии не было отозвано, внешний потенциальный покупатель никак не фигурирует в материалах дела, не был поименован или привлечен к делу в качестве лица, не заявляющего самостоятельных требований.
2. В рассмотренном деле рассуждения суда кассационной инстанции справедливы: преимущественное право покупки акций не действует между акционерами общества, т.к. персональный состав акционеров остается неизменным. В то же время представляется, что такое преимущественное право можно было бы при необходимости предусмотреть в рамках акционерного соглашения.
3. При этом, если бы изначальным намерением Акционера 3 была продажа акций внешнему покупателю, каждый из акционеров имел бы право на пропорциональную реализацию преимущественного права покупки акций. То есть Акционер 1, Акционер 2 и Акционер 4 могли бы приобрести количество акций, пропорциональное своему владению акциями в уставном капитале, а Акционер 4 не приобрел бы полный пакет продаваемых акций и не увеличил бы свою долю владения в уставном капитале. В этом смысле можно было бы говорить о нарушении прав Акционера 1 и Акционера 2, поскольку правила о преимущественном праве покупки не только направлены на сохранение персонального состава акционеров, но и предоставляют акционерам возможность сохранения соотношения количества принадлежащих им акций.
6. В случаях, когда требование о возмещении убытков, причиненных действиями директора, заявляется непосредственно юридическим лицом, применяются особые правила исчисления срока исковой давности

Истец (общество) обратился в суд с иском к ответчику (бывшему генеральному директору общества) о взыскании, среди прочего³, неосновательного обогащения в виде сбереженной арендной платы. Истец утверждал, что ответчик в интересах аффилированного с ответчиком лица (арендатор) заключил с обществом (арендодатель) крайне невыгодный договор аренды принадлежащего обществу имущества, арендная плата по которому была значительно занижена, что привело к убыткам общества.

Ответчик занимал должность генерального директора общества до 20 апреля 2022 г., после чего в обществе был назначен новый директор. Спорный договор аренды был заключен 10 апреля 2019 г. ответчиком, представлявшим интересы при заключении сделки как общества, так и своего аффилированного лица, и расторгнут 22 апреля 2020 г.

С учетом установленного в самостоятельном производстве факта заведомой убыточности сделки аренды, а также по итогам оценки условий договора аренды суд первой инстанции пришел к выводу, что сделка была совершена ответчиком в ущерб интересам общества.

При этом ответчиком было сделано заявление об истечении срока исковой давности по требованию о взыскании сбереженной арендной платы за период с 10 апреля 2019 г. по 22 декабря 2019 г. Суд согласился с заявлением ответчика, поскольку с требованием о взыскании убытков за указанный период истец обратился в суд 23 декабря 2022 г. Так, в этой части суд первой инстанции лишь частично удовлетворил требование истца и взыскал убытки в размере сбереженной арендной платы только за период с 23 декабря 2019 г. по 22 апреля 2020 г. Суд также аргументировал свою позицию тем, что общество состоит из единственного участника, ввиду чего интересы общества как юридической фикции и его единственного участника идентичны. Единственный участник принимал участие в судебных заседаниях по данному делу и ранее, в период действия спорного договора аренды, также являлся участником общества с долей в размере 50%. С иском о взыскании убытков вправе обратиться как само общество, так и его участник в интересах общества, чего ни общество, ни единственный участник не сделали ранее.

Суд апелляционной инстанции отклонил апелляционную жалобу и оставил решение суда первой инстанции без изменений, тогда как суд кассационной инстанции отменил решения судов нижестоящих инстанций.

Суд кассационной инстанции уточнил, что в случаях, когда требование о возмещении убытков предъявлено самим юридическим лицом, срок исковой давности исчисляется не с момента нарушения, а с момента, когда юридическое лицо, например, в лице нового директора, получило реальную возможность узнать о нарушении, либо когда о нарушении узнал или должен был узнать контролирующий участник, имевший возможность прекратить полномочия директора, за исключением случая, когда он был аффилирован с указанным директором⁴.

- 3 Истцом также были заявлены требования о взыскании убытков в размере стоимости ремонта помещений, убытков в виде выплаченной заработной платы и процентов за пользование чужими денежными средствами.
- 4 П. 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Такая же позиция повторена Президиумом Верховного Суда РФ в п. 24 недавнего «Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 июля 2025 г..

Судами нижестоящих инстанций при рассмотрении заявления о пропуске обществом срока исковой давности данные разъяснения не были учтены, а также не установлен ряд других фактов, имеющих значение, например, когда новый директор получил реальную возможность узнать об убыточной сделке.

Суд кассационной инстанции также отметил, что участник оборота, в интересах которого действовал ответчик (в данном случае – аффилированное с ответчиком лицо), не освобождается от обязанности возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательного получения (использования) чужого имущества.

Так, право общества на предъявление иска о возмещении убытков к бывшему генеральному директору не исключает возможности предъявления иска, направленного на удовлетворение того же имущественного интереса за счет неосновательно обогатившегося лица, участвовавшего в выводе имущества, то есть аффилированного с ответчиком лица. К совпадающим обязательствам упомянутых лиц перед обществом подлежат применению нормы о солидарных обязательствах.

Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

3. Дело иллюстрирует применение исключения из общего правила определения момента начала течения срока исковой давности. Суды первой и апелляционной инстанций ошибочно сочли, что единственный участник общества обладал знанием об убыточной сделке, аргументировав это, среди прочего, тем, что интересы общества и его единственного участника идентичны. Однако суд кассационной инстанции обоснованно указал на разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ, излагающие более прогрессивный подход в понимании того, когда общество узнает о том, что его право нарушено.
3. Суд также справедливо квалифицирует ответственность ответчика и его аффилированного лица как солидарную, что означает право истца заявить альтернативно как требование о возмещении убытков к директору (ст. 53.1 ГК РФ), так и требование о неосновательном обогащении к выгодополучателю по убыточной сделке (ст. 1107 ГК РФ), что является устоявшимся подходом в судебной практике (см., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2022 г. № 305-ЭС22-11906).
3. Принцип солидарной ответственности в данном случае особенно важен, поскольку позволяет истцу гибко выбирать наиболее эффективный способ защиты своих прав. Если взыскать убытки с ответчика окажется по какой-либо причине затруднительным, истец сможет обратиться к аффилированному с ответчиком лицу, которое фактически извлекло выгоду из незаконной сделки.

Мы будем рады ответить на ваши вопросы по данной тематике

Валериан Мамагеишвили

Старший юрист

Valerian.Mamageishvili@kkmp.legal

Виктория Бигарова

Юрист

Victoria.Bigarova@kkmp.legal

Александра Черных

Юрист

Alexandra.Chernykh@kkmp.legal